

На следующий день Цинь Яолян пригнал целую повозку книг. Кроме них он привез уйму бумаги, кистей и туши. Он весело зазывал Сяо Шаня и остальных помочь перетащить всё это добро в кабинет. Е Цзюньшу порывался помочь, но его бесцеремонно отодвинули в сторону, велел просто смотреть. Он невольно подумал, что с ним скоро начнут обращаться как с хрупкой фарфоровой вазой.

Все книги Цинь Яолян заранее распределил по категориям. При расстановке он выступал в роли главного дирижера, а когда закончили, подробно объяснил Е Цзюньшу, что и где лежит. Теперь полки в кабинете были забиты до отказа. У Цзычжоу закралось подозрение: не опустошил ли шицун собственную библиотеку ради него?

Цинь Яолян отряхнул руки с довольным видом и, сияя улыбкой, произнес:

— Этих книг тебе хватит на первое время. Позже я заменю их на другие. Если возникнут вопросы — записывай, потом передашь отцу, он всё разъяснит...

Е Цзюньшу улыбнулся и с благодарностью ответил:

— Спасибо, шицун. Ты проделал большую работу.

— Брось! Разве мы чужие люди? К чему эти церемонии! — Яолян отмахнулся и, подбоченясь, наставительно добавил: — Цзычжоу, часть книг я взял на время в лавке. Смотри, чтобы дети их не испортили.

Ему пришлось долго уговаривать книготорговца и даже пообещать долю в прибыли, прежде чем тот согласился одолжить десяток томов. Если они вернуться поврежденными, второго раза не будет.

Е Цзюньшу с улыбкой посмотрел на детей — услышав последние слова шицуна, те сердито уставились на него. Их мордашки явно выражали возмущение: они никогда бы не посмели испортить такие ценные книги!

Он потрепал Цинь-гэра по голове:

— Я прослежу за этим.

Закончив помогать, дети гурьбой высыпали во двор играть. Е Цзюньшу налил Цинь Яоляну воды, и они присели отдохнуть. Яолян немного помолчал, поставил чашку и предложил:

— Цзычжоу, может, тебе всё-таки вернуться в частную школу? Моему отцу было бы удобнее учить тебя лично. Дома, без наставника, результат может быть не таким блестящим. Если столкнешься с трудной задачей, некому будет сразу дать ответ.

Несмотря на природный ум Цзычжоу, в учебе опаснее всего «вариться в собственном соку». Только в общении с другими учениками и учителем разум оттачивается, а знания растут. Когда первый восторг утих и разум вернулся к Яоляну, он осознал, что самообучение — путь тернистый. Цзычжоу сдал экзамен на туншэна в одиннадцать лет, но с тех пор прошло несколько лет, в течение которых он и в руки книгу не брал. И теперь он хочет своими силами подготовиться на сюцая? Это не так-то просто.

Е Цзюньшу покачал головой:

— Я не могу оставить дом и детей надолго без присмотра. Да и в уезд мне сейчас лучше часто

не навеваться.

Город невелик, и при частых визитах он рано или поздно столкнется с людьми Мина. Е Цзюньшу совсем не хотелось новых конфликтов.

Цинь Яолян подумал о ситуации в семье друга и вынужден был согласиться. Тяжело Цзычжоу: никого из старших нет, куча маленьких братьев на руках, да еще недавняя беда. Если дети будут не под присмотром, сердце у него будет не на месте, и об учебе он думать не сможет.

— Я рассказал о твоих делах отцу. Но в школе сейчас много учеников, он сам не может вырваться, чтобы навестить тебя...

Такие масштабные сборы книг не могли укрыться от глаз учителя. После пары вопросов Яолян выложил всё как на духу.

— Разве подобает учителю лично навещать ученика? Это было бы верхом непочтительности с моей стороны, — сказал Е Цзюньшу. — Как только окрепну, я сам первым делом нанесу ему визит.

— Отец велел передать, чтобы ты больше упражнялся в каллиграфии и писал сочинения, которые потом покажешь ему. Четырехкнижие и Пятикнижие нужно постоянно читать, переписывать и заучивать. Он говорит, что если прочесть книгу сто раз, смысл откроется сам собой. Нужно знать их назубок, от корки до корки... Эм, и еще...

Е Цзюньшу прищурился: — Что еще велел передать учитель?

Яолян поскреб затылок:

— Отец просил передать тебе одну фразу: «В какие бы обстоятельства ты ни попал, помни — не теряй своего истинного сердца».

Цзычжоу опустил глаза и промолчал.

Яолян встал:

— Ну, мой отец всегда такой! Вечно изрекает какие-то туманные истины. Послушал и забудь, не бери в голову. Уж тебя-то я знаю, ты не подведешь! Ха-ха... — Редко я у тебя бываю, а ведь еще даже не пообщался с нашими маленькими прелестями! Пошли во двор, пошли...

Яолян подтолкнул Цзычжоу к выходу. Жили они неблизко, часто заезжать не получалось, так что он решил не упускать момента и «наладить контакт» с младшими братьями друга.

Цинь Яолян прогостил день и уехал. Оставшись наедине с новыми книгами, Е Цзюньшу целиком погрузился в них. Поправляя здоровье, он вновь взялся за кисть и тушь, восстанавливая навыки письма и штудирюя тексты. К счастью, база у него была хорошая, и память не подвела: он быстро запоминал отрывки наизусть. Однако за годы без практики рука отвыкла от кисти, и почерк оставлял желать лучшего.

В ту эпоху можно было провалить теорию, но почерк обязан был иметь свой «костяк» и характер. В худшем случае он должен быть безупречно чистым и красивым. Без достойной каллиграфии в кругах образованных людей было не выжить. На экзаменах плохой почерк сразу портил первое впечатление экзаменатора. Если только содержание не было гениальным, при прочих равных всегда выбирали того, чьи иероглифы радовали глаз. Благо, шицун всё

предусмотрел и привез много прописей для копирования. Так что сейчас Цзычжоу совмещал заучивание текстов с усердными тренировками в письме.

Дети вели себя на редкость понимающе. Зная, что старший брат занят важным делом, они редко бегали в кабинет. Даже играя во дворе, они старались говорить вполголоса. Иногда, соскучившись, они тихо заходили, садились рядом и просто молча прижимались к нему, стараясь не мешать.

Во второй половине года урожай был небогат, но, к счастью, обошлось без серьезных бедствий. Однако налоги и подати нужно было платить в срок. Атмосфера в деревне была тяжелой, крестьяне ходили хмурые. Каждый год перед сдачей налога каждая семья заранее готовила свою долю. Сначала все отмечались у старосты, а затем группа людей на подводах везла зерно в управу уезда. Те два надела, что теперь числились за Е Цзюньшу, официально перейдут к нему только со следующего года, так что в этот раз налог платили их прежние владельцы. Его семье зерно сдавать не требовалось.

Тем не менее, это было важное событие для всей деревни. Цзычжоу выкроил время, чтобы выйти в люди и заодно узнать, не нужна ли помощь семье дяди Жуна. Но даже если бы он очень хотел помочь, староста ни за что бы не позволил раненому работать наравне со всеми. Учитывая недавний конфликт их деревни с важными господами и опасаясь придирок со стороны судьи, староста лично отобрал для поездки тех молодых парней, которые в тот злополучный день не попадались на глаза свите Мина.

Благодаря справедливому и прямому характеру дяди Жуна, нравы в Ецзяцунь были простыми и честными. Даже зная, что проблемы всей деревни начались из-за семьи Цзычжоу, никто не смел говорить ему гадости в лицо. Максимум — ворчали по углам.

Е Цзюньшу чувствовал вину. Чем добрее и заботливее были односельчане, тем тяжелее у него было на сердце. Но что он мог сделать? Он был всего лишь маленьким человеком, не способным изменить положение своей деревни в этой иерархии.

К счастью, односельчан притеснять не стали, и всё обошлось без лишних потрясений. Люди вернулись целыми и невредимыми, а зерно было успешно сдано в счет налога. Е Цзюньшу облегченно выдохнул: хорошо, что уездный судья не нашел времени на их деревню, иначе, выкини власти какую-нибудь подлость, положение их семьи в глазах соседей стало бы весьма неловким.

Однако староста Жун принес и дурные вести. Тот самый Второй господин Мин вел себя всё более дерзко и распутно. При попустительстве судьи и его прихвостней, помогавших злодеям творить бесчинства, он силой забирал к себе множество гэров самых разных возрастов. После того как главный дворецкий Мин Фулай производил «отбор», лучших оставляли в поместье, а тех, кто попроще лицом, просто вышвыривали вон. Нашлись и семьи с недалеким умом, которые сами спешили пристроить своих гэров во дворец, надеясь урвать кусок богатства и власти.

Крестьяне, вернувшиеся из уезда, радовались своей удаче: деревенские гэри в страду работают в поле наравне со всеми, их кожа грубеет, а на руках мозоли. Такие знатым господам не по вкусу — не то что изнеженные городские гэри, привыкшие к холе и неге. Хотя... что касается семьи Цзычжоу, хоть они и были простолюдинами, но по книжному воспитанию всё же отличались от остальных, так что их нельзя было грести под одну гребенку...

Услышав это, Е Цзюньшу помрачнел. Семья Мин вела себя за пределами нагло: даже при

императорском отборе в гарем не было такого размаха. Они что, решили устроить себе собственный сераль (На Востоке: дворец, а также гарем во дворце)? Совсем страх потеряли! Стало ясно, почему им было недосуг донимать деревню Ецзяцунь — они были заняты тем, что губили чужие судьбы.

Цзычжоу страшно было представить, какой хаос сейчас творится в уездном городе. Но, поразмыслив, он понял: простой люд в большинстве своем старается не высовываться и не идти против властей. Вряд ли кто-то осмелится открыто выступить против, а если и найдутся смельчаки, их участь наверняка будет незавидной. Он крепко сжал кулаки, вновь остро ощутив собственное ничтожество. Какой толк замечать несправедливость, если ты не в силах даже голос подать?..

Е Цзюньшу лишь попросил старосту предупредить односельчан, чтобы те получше присматривали за своими близкими, особенно за гэрами подходящего возраста, и обращали внимание на любых чужаков в округе. Глядя на детские, невинные лица младших братьев, он почувствовал, как мрак в душе немного рассеивается. Лишь бы они были в безопасности. Цзычжоу стал проводить за книгами еще больше времени.

Дни летели один за другим. В деревне было тихо, но погода стояла странная: холода наступили почти на месяц раньше обычного, и температура резко упала. Старшины в деревне, увидев такое дело, сразу поняли: в этом году снег выпадет рано! Срочно организовали сбор, чтобы закупить в уезде всё необходимое к Новому году.

Е Цзюньшу тоже попросил семью Мин-аму помочь с закупками. Мечту свозить детей в город погулять пришлось оставить. Изначально Цзычжоу планировал до конца года навестить семью дяди по материнской линии, но из-за бесконечных потрясений поездку пришлось отложить.

К тому же, хотя дядя прекрасно знал, что срок траура у племянников закончился, от него не пришло ни весточки — словно он и вовсе забыл о существовании этих родственников. Е Цзюньшу, помня «пророческий сон» Лу-гэра, и без того относился к семье дяди с предубеждением.

И хотя в этой жизни он сам стоял на защите братьев и не допустил бы беды, порой он не мог не задаваться вопросом: как родной дядя мог так поступить с Цинь-гэром? Было ли это делом рук только его супруга-фулана, и знали ли об этом остальные? Если бы они знали, к чему это приведет, почувствовали бы они раскаяние? Увы, ответов на эти вопросы не было.

Учитывая, как высоко в эту эпоху ценились узы крови и сыновья почтительность, Е Цзюньшу оставалось лишь поддерживать с ними вежливые, но прохладные отношения.

Первый снег выпал в самом начале одиннадцатого месяца. Цзычжоу смотрел на белую пелену за окном, погруженный в думы. Как ни горько было признавать, он был даже рад ранним снегопадам: по крайней мере, теперь не нужно было каждый день вздрагивать от мысли, что люди Мина внезапно явятся на их пороге. Снег валил хлопьями, и через пару дней во дворе выросли огромные сугробы.

Сяо Шань вместе с Лу-гэром и Цинь-гэром бодро и спорно взялись за лопаты. Е Цзюньшу не позволяли даже коснуться снега: стоило ему потянуться за делом, как все тут же делали такие скорбные лица, будто готовы были разрыдаться прямо сейчас — мол, «если ты начнешь работать, мы зальемся слезами». Цзычжоу оставалось только сидеть рядом и читать, присматривая за ними. Он невольно усмехался: взрослый мужчина, а попал под каблук к стайке детей.

<http://bllate.org/book/15226/1356167>